

Тупица О. Л. Политическая деятельность профсоюзов в современном мире: институциональная и социально-экономическая детерминанты

Статья изучает ключевые проблемные блоки, которые предопределяют логику политологического исследования современных профсоюзов: состояния профсоюзов как политических институтов и детерминации их действий в контексте влияния социально-экономической ситуации. Дается анализ приоритетности исследования отдельных аспектов представительства профессионального движения на политичиний арене

Ключевые слова: профсоюзы, политическая система, политический статус, партийная система, демократическое общество

Tupitsa O. Political activities of trade unions in the modern world: the institutional and socio-economic determinants

Modern trade unions in a situation of political competition may make the subjects of political action because their claims during the social and political action (eg strikes) based on the real interests and needs, what are all shared a large part of society.

Thus, political action by trade unions with justification based on representing the interests of the public in a democracy. However, the most desirable option for optimization of political status of trade unions is their integration into a new qualitative state of Ukrainian politics, which will play a leading role public discussion.

Given the above, it is necessary to estimate the concerted action of the full integration of trade unions in the political process. The starting point of trade union involvement in political events has become the software and ideological redefinition of their political status. This status on in today's Ukraine has transformed from the former Soviet Union on the one that is inherent in a democratic society.

The status of trade unions in the political system is determined by three main factors: first, a political impact. It is conditioned by the ability to influence the development of political events while providing obtain the desired result, despite the opposition of adverse factors. Data factors may be the opposition political parties and competing interest groups, the general political climate in society, unfavorable socio- economic situation, the destructive actions of government. In addition, the defining parameter of the optimal political status of trade unions should be considered the intensity of the political life of the trade unions, ie the number of political action in a certain period of time. Among these actions it should include, above all, support for political parties, the implementation of public statements on political reasons regarding not only the unions, but the political situation in general. The political activities of trade unions may do their deliberate propaganda work, which aims to create an impression in the society of trade unions as political actors. This work may not match the current political agenda.

Keywords: trade unions, political system, political status, the party system, democratic society

Надійшла до редколегії: 14.12.2013 р.

УДК 37.014

Н. Ю. Андрианова

МЕСТО И РОЛЬ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАРКОМПРОСА РСФСР В 1917 – 1927 ГГ.

Анализ структуры и деятельности Наркомпроса в первые годы советской власти позволяет усомниться в том, что основная деятельность ведомства заключалась исключительно в создании и разработке идейных и организационных основ системы советского образования. Как представляется, становление новой школы сопровождалось масштабной идеологической работой по внесению и закреплению в общество новой советской аксиологии. С этой целью силами Наркомпроса была создана сеть государственных учреждений, служб, академических институтов и общественно-политических организаций, призванных утверждать и воплощать новые идеологические ценности.

Ключевые слова: Наркомпрос, власть, культура, идеология, школа, ценности.

Традиционно основным направлением деятельности Народного комиссариата по просвещению РСФСР принято считать создание новой системы образования советской власти. Бесспорно, вопросы образования и, шире, – просвещения, ставились в Наркомпросе во главу угла. Однако, представляется, что трактовка и понимание задач просвещения и соответственно с этим направлений работы в самом наркомате не всегда совпадало с общим видение проблемы.

Задачи статьи заключаются в определении основных векторов деятельности Наркомпроса в первое десятилетие советской власти и места, которое занимали в этом вопросы образования.

Современная историография по истории Наркомпроса представлена исследованиями по отдельным проблемам в работе данного ведомства и не занимается анализом задач и их реализации наркоматом в общем плане [См. 10, 11, 12, 13].

Однако, несмотря на казалось бы непопулярную нынче тему, изучение деятельности Наркомпроса представляется важным и своевременным. Любая власть нуждается в поддержке народа, которая обеспечивается успешной идеологической работой. Вносимая в общественное сознание аксиология, закрепляет важные для власти установки, формирует национальную идею, объединяет и сплачивает общество. Не секрет, что современная Россия переживает идеологический кризис. Общество разобщено, национальная идея отсутствует. Длительная перестройка и реформы науки и образования, скорее отдаляют школу (в ее самом широком смысле) от власти. Хотя, как известно, лучшим социальным институтом по трансляции ценностных установок является образование. В этом плане переломная эпоха первых лет советской власти позволяет выявить не только наиболее эффективные механизмы, формы, методы, каналы идеологического воздействия, но и определить базовые ментальные основы, закрепляющие вносимые в общество идеи.

Для решения поставленных задач были использованы материалы и документы из личного фонда А.В.Луначарского РГАСПИ, большая часть которых не публиковалась или публиковалась частично [1].

Как уже приходилось писать ранее, полагаем, что основой советской идеологии стали разработки в области культуры (называемые далее «пролетарская культура» – Н.А.), которыми в течение длительного периода занимались А.А. Богданов и А.В. Луначарский [Подробнее см. 9].

Обращение к «пролетарской культуре» в качестве идеологической программы советской власти не кажется странным, поскольку отношение к А.А. Богданову и А.В. Луначарскому, как к возможным партийным идеологам, очевидно, в какой-то момент было присуще даже В.И.Ленину. Так, например, отечественный исследователь О.В.Щелоков высказывал предположение о попытке Ленина ввести «разделение труда» в руководстве партии». Оставляя за собой вопросы тактики, оргработу и работу с прессой, он планировал «научные изыскания, разработку партийной идеологии» передать «Богданову, Луначарскому и другим большевикам, склонным к исследовательской и литературной работе» [14., С 42]. При этом ведущей фигурой являлся, несомненно, А.А.Богданов. Но именно Луначарскому революция позволила (деятельность Богданова на тот момент во многом была ограничена в силу его политического противостояния с Лениным) практически реализовать теоретические наработки прежних лет. (Внимательное изучение документов Наркомпроса периода 1917 – 1927 гг. позволяет выявить их сходство с положениями «пролетарской культуры» не только содержательно, но даже стилистически.)

Первейшую задачу, которую, по мнению А.В. Луначарского призван был решать Наркомпрос, – это политическое воспитание масс, ибо идеология власти, воспринятая не столько на рациональном, сколько на эмоциональном уровне, наиболее прочно закрепляла мировоззренческие основы личности, определяла основные потребности и направленность деятельности человека.

Механизм воздействия согласно положениям «пролетарской культуры» включал три вектора внедрения: искусство; разного уровня, типа и формы работу (пропагандистскую революционные праздники, деятельность разного рода общественно-политических организаций и культурно-просветительных учреждений) и система образования [Подробнее см. 9].

Выделить первостепенный вектор затруднительно, поскольку по отношению к текущему моменту 1920-х гг. необходимы были все три, причем первые два, возможно, следовало считать наиболее результативными, ибо направленные непосредственно на реализацию текущих задач они были максимально «мобильны», доходчивы и охватывали большую часть населения страны.

Но в перспективном плане ведущим вектором, бесспорно, являлось образование, ибо только детская аудитория способна воспринимать идеи со всей страстью

искреннего максимализма. Возможно, в этом плане ребенок сродни верующему, поскольку и тот, и другой нередко ограничиваются исключительно верой в усвоенный идеал.

Школьным вопросом нарком занимался лично, не ограничиваясь только руководством, ибо первые программные документы для советской школы были написаны непосредственно Луначарским и во многом отражали идеи «пролетарской культуры», но с учетом текущего момента.

29 октября 1917 г. был принят документ, определявший «Общее направление просветительной деятельности» республики, которое заключалось в необходимости «добиться в кратчайший срок всеобщей грамотности посредством «всеобщего обязательного и бесплатного обучения». Документ декларировал основополагающие принципы советского образования: 1. единая светская школа в нескольких ступенях (или концентриках – Н.А.), 2. «равное и возможно более высокое образование для всех граждан», 3. школы для взрослых, 4. создание «креативной» среды, когда «народные массы будут сами вырабатывать свою культуру» [2, С. 156 – 159.].

Вторым документом стало «Положение о единой и трудовой школе» [3]. от 16 октября 1918 г. – своеобразный «сплав» идеалистических представлений об образовании с реалиями постреволюционной России, помноженных на установки «пролетарской культуры». Главной задачей советской школы в рамках от дошкольного, впервые вводимого на государственном уровне, до вузовского образования было создание «нового человека» (человека новой идеологической формации, в идеале способного к «социализму чувств»). Принципами школы должны были стать: бесплатность, доступность, принцип «единой и трудовой школы». (Единство предусматривало системность образования «от детского сада до университета» – одна школа, как «непрерывная лестница» [3]. Отдельно отмечался принцип многообразия или дифференцированности используемых программ и их реализации отдельными отделами народного образования при соблюдении и выполнении «условий, выполнение которых признавалось абсолютно обязательным» [3]. А также соблюдение индивидуального подхода к каждому ребенку, в связи с чем, начиная четырнадцати лет допускалось деление классов «на несколько путей или группировок», но таким образом, чтобы ряд «предметов оставался объединяющим для всех учеников». Поскольку школа, значительно меняя «физиономию, в зависимости от местных условий, отнюдь не» должна была терять «общего духа» [3].

Помимо, деятельность школ дополнялась обширной внешкольной работой, как на детском, так и на взрослом уровнях. Наиболее эффективными средствами такого рода работы считали занятия творчеством, в частности приобщением к занятиям различными видами искусства. Поскольку именно искусство создатели «пролетарской культуры» считали наиболее эффективным средством воздействия. Богданов называл искусство «орудием социальной организации людей», поскольку «язык живых образов массам ближе и понятнее». Ничто лучше искусства не способно «организовать не только представления людей, их знания, мысли, но так же чувства, настроения» [6, С.118.]. Луначарский отмечал, что искусство «вносит порядок в хаос внешних явлений<...>, ибо руководит нашим умом». Посредством искусства человеческий мозг в короткий срок поглощает «огромное количество образов, чувств, идей» [7, С.9,14.], оно вызывает реакцию, поступок, побуждает человека к действию, является «оружием огромной ценности» [8, С.171.].

Не последнюю роль во внешкольной работе должны были играть и общественные организации – пионерия и комсомол.

Следует отметить, что специфика РСФСР предусматривала необходимость выделения национальной школы, поскольку, как верно отметил в одном из своих выступлений Луначарский, «населения других национальностей, как равно и национальное меньшинство, в русских губерниях РСФСР, менее культурно, чем население русское», ибо «как бы не обязывалась наиболее сильная культурная из наций – русская, охранять интересы конфедератов других национальностей, все же можно опасаться, под разными предлогами интересы их будут становиться на

второй план» [1, ед.хр.203, л.2].

Учитывая ситуацию, Наркомпрос уже 31 октября 1918 г. принял постановление «О школах национальных меньшинств», в котором отмечалось: «1. Все национальности, населяющие РСФСР, пользуются правом организации обучения на своем родном языке на обеих ступенях единой трудовой школы и в высшей школе. 2. Школы национальных меньшинств открываются там, где имеется достаточное количество учащихся данной национальности для организации школы. 3. С целью культурного сближения и развития классовой солидарности трудящихся различных национальностей в школах национальных меньшинств вводится обязательное изучение языка большинства населения данной области. 4. Школы национальных меньшинств являются школами государственными, и на них распространяется во всей полноте Положение об единой трудовой школе, опубликованное в № 225 «Известий ЦК». В целом программа Наркомпроса в отношении национальных меньшинств предусматривала присущую этим группам специфику быта, обычаев, поведения, включая религиозные установки.

Однако изучение документов, позволяет предположить, что масштаб деятельности Наркомпроса РСФСР включал не только территорию Советской России, но влиял и на органы просвещения соседних стран, которые нередко и по названию, и по содержанию работы во многом повторяли принятые в Москве установки [См. 4]. Так общим местом во всех программах бывших национальных окраин Российской империи, а в 1920-е гг. самостоятельных государств, стало упоминание о необходимости создания единой трудовой школы, не говоря уже о принципах общедоступности, демократизма, интернационализма образования, введения бесплатного обучения, и даже введения классовости (пролетарская школа) [4]. Также допускаем, что ряд вопросов, независимо от страны, нередко решался в Москве. В отчете за 1920 г. Луначарский отмечал, что на одном из правительственных совещаний, на которое «будут приглашены интересующиеся вопросами просвещения члены Съезда (X съезда партии – Н.А.)», должны быть заслушаны «доклады, как Наркомпроса РСФСР, так и Наркомпроса УССР по всем принципиальным или злободневным проблемам народного просвещения» с целью определения «твердой точки зрения Советской власти. Причем соответственная декларация или сборник тезисов, быть может, будет одобрен X Партийным Съездом и сделается партийно-обязательным комментарием к соответственным параграфам нашей программы» [1, ед.хр.192, л.7].

Сказанное, действительно имело продолжение на партийном уровне, упоминаемый выше X съезд РКП (б) в марте 1921 г. принял постановление «Об очередных задачах партии в национальном вопросе», ставшее основой для ряда документов о «помощи трудовым массам невеликорусских народов по преодолению их отсталости». Главными направлениями этой работы были те, которые могли помочь «невеликорусским народам догнать ушедшую вперед Центральную Россию», способствовать созданию у них: национальных «прессы, школы, театров, культурно-просветительным учреждениям на родном языке»; образованию на родном языке (в первую голову для киргизов, башкир, туркмен, узбеков, таджиков, азербайджанцев, татар, дагестанцев)» для «ускоренной подготовки туземных кадров по всем областям управления, и прежде всего в области просвещения» [5, С. 20].

Но наиболее важным аспектом проблемы, бесспорно, является анализ реализации программ Наркомпроса по созданию советской массовой школы и работе по ликвидации безграмотности. Как следует из документов процесс этот шел с большими осложнениями и требовал колоссального напряжения сил.

Выступления А.В. Луначарского первого десятилетия советской власти начинаются и заканчиваются констатацией крайне скудного материального положения всей системы образования республики.

Положение учеников и учительства одинаково тяжело. В 1920 г. в одном из публичных выступлений Луначарский отмечал, что «Товарищи, которые теперь склонны... хотя бы в мягкой форме упрекнуть Комиссариат в недостаточной энергии, забывают с какой абсолютной безжалостностью и бесцеремонностью отбирали

они школьные здания то под лазареты, то под казармы, как систематически задачи народного просвещения ставились на задний план, оставляя не только школьные нужды, но подчас само питание детей в катастрофическом положении.

Товарищи припомнят, может быть, что рядом с несомненными и неприятными актами полусаботажа со стороны учителей приходилось отмечать, да приходится и сейчас, отношение к учительству, как каким-то париям. У меня ящики завалены письмами и телеграммами, свидетельствующим о том, что учителям в целом ряде губерний и уездов не выдается никакого пайка. У нас есть случаи самоубийства от голода, сумасшествия от голода, есть случаи прямого бегства учителей из школ» [1, ед.хр.192, л.1]. И далее: «Есть масса случаев бегства из школ и сейчас констатируется, что только фанатики остаются верны школе», что неудивительно, поскольку даже «приобретение для школы инвентаря, скажем колуна, представляет радостное событие, о котором считают нужным сообщить в учительскую газету» [1, ед.хр.193, л.43-15]. Положение студенчества не лучше: «Наше студенчество болеет, количество чахоточных, склонных к самоубийству, сумасшествию в нем растет» [1, ед.хр.193, л.27].

Столь тягостное положение во многом объясняется тем, что ответственность за образование на местах несли Наркомпрос (вопросы по содержанию программ, обеспечение кадрами, учебниками и т.п.) и местные органы советской власти (содержание зданий, финансирование (частичное), социальная помощь учащимся), которые, судя по документам, не рассматривали нужды школ в числе первостепенных.

В этой связи следует отметить, что во всех выступлениях наркома тех лет рефреном проходит мысль о недофинансировании школьного дела именно со стороны местных бюджетов, более того, в документах начала 1921 г. встречаются тревожные сообщения об исходящей с мест инициативе введения платы за обучение: «Необычайно тяжелое положение НКП, средства которого едва составляют 5-ю часть необходимого минимума на содержание, сколько-нибудь приближающееся к норме, сети просветительных культурных учреждений, определенно вынуждает искать дополнительных средств». Но «Введение платности элементарной школы никем не предлагалось официально... На самом деле платность в городской и деревенской элементарной школе часто наблюдается, но как явление незаконное, с которым согласно предписанию ВЦИК надо бороться» [1, ед.хр.193, л.4].

Сравнивая положение советской школы с периодом дореволюционным, Луначарский отмечает заметное отставание первой. И хотя возможность объяснения данного положения существует: масштабность самой программы (массовое начальное образование), введение дошкольной системы (отсутствовавшей ранее, кроме отдельных частных садов в столицах империи), бесплатное образование на всех ступенях, включая высшую, и, конечно, тяжелейшее материальное положение республики после периодов Первой Мировой и Гражданской войн, Луначарский, практически, не привлекает подобных объяснений, очевидно, стремясь получить реальное повышение материального обеспечения советской школы от тех органов власти, которые, по его мнению, по-настоящему ответственны за столь тягостное положение дел. Так он констатирует, что «элементарная школа, как известно, была и в царское время бесплатной, оплачивал ее не центр, а общество, поскольку оно было организовано в уездные земства (государство давало 20 %, из губернских земских средств 5 – 10 %). Мы должны стремиться к тому же. В этом направлении шел декрет от 16 сентября 1921 г., (который – Н.А.) предоставил населению право не только устанавливать норму самообложения, но даже и вовсе отказываться от него. В результате не больше 20 – 25 волостей установило такую норму, в большинстве мы наткнулись на отказ» [2, ед.хр.193, л.4]. Анализ причин отказа показал, что не столько бедность и острая нужда, сколько иные материи, влияли на подобное поведение людей, среди которых не последнее место занимали непонимание и неприятие населением, особенно деревенским, необходимости образования. Подтверждение сказанному можно найти как в выступлениях наркома, так и в статистических данных. В уже упоминавшемся выступлении Луначарский отмечает, что «отказ (платить дополнительный на образование налог), не вызван

нуждой, т.к. очень часто указывает на ряд серьезных, гораздо более высоких, чем то, которое требовалось на содержание школы, самообложений в пользу, например, церкви» [1, ед.хр.193, л.4]. Попутно следует отметить, что в начале 1920-х гг. власть еще, очевидно, не чувствовала себя столь уверенно, чтобы открыто выступать против деятельности церковных общин, не настроив против себя общую массу населения. Собственно, об этом же говорит и Луначарский, комментируя особенно низкие показатели грамотности среди национальных меньшинств РСФСР: «Для большинства автономных республик и областей вопрос о народном образовании стоит еще более остро. Совершенно специальной задачей» для этой части населения является «вопрос о грамоте на родном языке». Но практически повсюду «школа национального языка» представлена «школой религиозной». Борьба с которой опасно, т.к. «нельзя просто закрыть религиозные школы или возбудить гонение на религиозные поползновения, ибо это вызвало бы естественное негодование масс. Когда не можешь дать хлеба, не смеешь отнимать суррогат» [1, ед.хр.203, л.2].

Тон выступлений начинает меняться в 1927-28 гг. Хотя общее положение далеко от выполнения намеченных в перспективе планов. Так один из выступающих от Наркомпроса по подготовке и исполнению бюджета на 1928/29 гг. на Шестом Всероссийском съезде заведующих отделами народного образования в апреле 1928 г. И.И. Ходоровский отмечал, что «культурное строительство угрожающе отстает от темпа индустриализации. Например, в 1926г. на 100 душ населения неграмотных приходилось 43,2 %», в то время как в довоенной Германии в 1911 г. такое население составляло всего 0,4%, в Англии в 1919 г. – 0,7%, в США в 1920 г. – 5,9%, во Франции в 1924 – 8,9%. [1, ед.хр.193, л.107].

Главная причина отставания – финансовый дефицит. В том же докладе было отмечено, что «даже по части строительства школ I ступени (начальная или элементарная школа – Н.А.) мы ежегодно удовлетворяем только 10 – 20 % потребности; на строительство и капремонт ВУЗов 15 – 25 %; здания техникумов изношены на 39%, рабфаков – на 31%..., физическая изношенность оборудования техникумов – 51%, ВУЗ – 39%, рабфаков – 45%; зарплата учителей I ступени составляет 65% от довоенного, учителей школ повышенного типа – 40%, работников ВУЗ – 30%. Материальное положение учащихся крайне тяжелое; бюджетные нормы расходов на одного учащегося по школам I ступени составляют, примерно, 75% от довоенного, по повышенным школам – 25%, по ВУЗ (не считая материального обеспечения учащихся) – 50%.» [1, ед.хр.192, л.107].

Таким образом, уровень образования в стране к концу 1920-х гг. оставался низким. Можно констатировать, что начальное образование охватывало до 75% детей, что на 25% было выше довоенного (50%), но не отвечало планам. Потребность и понимание необходимости образования к концу 1920-х гг. постепенно проникало и в сознание рабоче-крестьянского населения, однако согласно статистике, дети, поступающие в семилетки или школы второй ступени далеко не всегда заканчивали их. Луначарский отмечал, что в 1925/26 гг. «из 300 000 учеников, поступающих в 1 группу школы второй ступени во 2 группу переходят 192 000, в 3 группу – 127 000, в 4 – 67 000, в 5 – 49 000. Таким образом, до конца школы доходит не больше 1/6 всех учеников». В селе эти цифры на порядок меньше: «...из 450 000 человек, оканчивающих четырехлетку, в 1 группу школы второй ступени попадает 90 000, а затем убывает в такой прогрессии: 51 000, 29 000, 11 000, 7 000. Таким образом, в селе школы второй ступени заканчивает только 1/13 часть.» [1, ед.хр.200, л.26]. В первую очередь из школы уходили дети бедняков, в то время как, по словам наркома, «на кулацком фронте мы имеем людей высоко грамотных и высоко сознательных по отношению своим враждебным коммунизму интересам», при этом «около половины всех батраков неграмотны». Главная проблема, как отмечалось выше, – крайняя нужда и низкая востребованность образования в слоях беднейшего крестьянства. Это отмечает и Луначарский: «Дело заключается в том, что сельскохозяйственный пролетариат в подавляющем большинстве неясно сознает или совсем не осознает своих классовых интересов и главных путей, какими их можно защитить» [1, ед.хр.202, л.49-50].

Статистика дает следующие показатели по общему уровню неграмотных в РСФСР (без АССР) к концу 1920-х гг. по возрастной группе 16 – 34 года [1, ед.хр.193, л.117]:

Табл. 1

% ко всему населению		Т.е.
Северо-Восточный р-н	163,3 тыс. чел.	7,11
Ленинградская обл.	290	4,54
Западный р-н	451,5	10,55
Центрально-Промышленн. р-н	1154,9	7,54
Центрально-Черноземный р-н	1336,1	12,37
Вятско-Ветлужский р-н	373, 9	10,81
Урал	823,3	12,22
Средневожский р-н	290	4,54
Нижневожский р-н	617,6	12,48
Северо-Кавказский	1030,0	12,32
Сибкрай	1365,9	15,76
Дальневосточный край	189,8	10,49

Неграмотность среди женщин в возрасте от 16 до 34 лет по европейской части РСФСР с АССР составляла 50%, среди мужчин не более 16% [1, ед.хр.193, л.117]:

Еще более сложное положение с образованием было в национальных автономиях, причем и среди детской и среди взрослой аудитории. Как отмечалось выше, проблема заключалась в сохранении контроля над образованием со стороны религиозных общин [1, ед.хр.193, л.117об.]:

Табл. 2

	Грамотные		Неграмотные		Обоего пола		
	М.	Ж.	М.	Ж.	Грам.	Неграм	Малог.
Беднота	14	6	77	92	10	86	4
Маломощные	24	7	58	90	15	75	10
Середняки	35	7	50	84	21	68	11
Зажиточные	39	28	44	62	33	54	13
Кулаки	60	65	40	24	63	30	7

В целом согласно статистике, становление единой советской школы, как и работа по ликвидации безграмотности во втором десятилетии советской власти еще только проходила этап становления

Тогда встает вопрос, чем еще помимо образования занимался Наркомпрос? Как представляется, Наркомпрос при Луначарском – это центр реализации не только общеобразовательных программ и политики борьбы с неграмотностью, но в первую очередь – один из основных, если не основной, идеологический центр. И понятие «просвещение» понималось в ведомстве как проведение прежде всего идеологической работы, транслирующей и закрепляющей ценностные установки советской власти посредством разного рода акций, мероприятий через деятельность различных учреждений культуры и центров народного творчества.

Отголоски полемики по роли и месту Наркомпроса в идеологической системе большевиков «слышны» практически все первое десятилетие советской власти. Необходимость реформы ведомства и его расширения отражены во многих документах комиссариата, включая отчет за 1920 г. Сущность реформы заключалась в более четком делении ведомства на «три основных Главка: Главное Управление по Социальному воспитанию; подготовке работников (высшие учебные заведения) и политическому просвещению масс (Главполитпросвет)» [1, ед.хр.192, л.7]. Следуя за документами можно отметить, что окончательно вопрос по структуре и функционалу отдельных подсистем комиссариата был решен к концу 1920 – началу

1921 г. В одном из выступлений указанного периода А.В. Луначарский отмечал, что «управление комиссариата представлено Народным Комиссаром Луначарским, его заместителем Покровским и Коллегией, большинство членов которой заведует Секторами, а именно: Народный Комиссар – Художественным, его Заместитель – Научным, Члены Коллегии: Л.Р. Менжинская – Сектором Социального Воспитания, О.Ю. Шмидт – Главпрофобр, Н.К. Ульянова-Крупская – Главполитпросветом, З.Г. Гринберг – Организационным Сектором. Исполнительным техническим органом Комиссариата является управление Делами». За отдельные направления работы отвечают комитеты или сектора Наркомпроса, включающие ряд подкомитетов. Одним из основных упоминался «Главный Политико-Просветительный Комитет (Главполитпросвет)», объединявший под своим началом «политико-просветительную работу Политпросветотдела (бывш. Внешкольного), Центрагита, Роста, Пролеткульта, Государственного Издательства, Центр-Печать, ТЕО, ИЗО, МУЗО, ФОТО-КИНО, ЛИТО», а также руководивший «Агитационно-просветительской организацией Пур'а». другой важной структурой был «Главный Комитет Профессионально-Технического Образования», под началом которого находились «отделы, ведающие профессионально-техническим образованием». Третий важный сектор – Главпрофобр отвечал за профессиональное образование, которое должно было дополнять общее школьное. Четвертым шел «сектор Социального Воспитания» с отделами: Единой Трудовой Школы, Охраны детства, Отдела Детского Обеспечения, Совзадет, Дошкольного воспитания и подготовки учителей. Пятый – Научный сектор с отделами Высших учебных заведений, Рабочих факультетов, Социального Обеспечения учащихся, Научного и Научных библиотек. Шестой – Художественный сектор, включавший все творческие подразделения ТЕО, ИЗО, МУЗО, ФОТО-КИНО, Архитектурно-Художественный Отдел, отдел Музейного дела (политической работой в этих структурах, как отмечалось выше, ведал Главполитпросвет). И Организационный сектор с отделами технического характера и бюро связи и информации (ЦЕБИС). Вне Главков и Секторов находился Отдел просвещения Национальных Меньшинств (НАЦМЕН), «как выходящий по своей компетенции из рамок всех указанных объединений», а также Главное Управление Архивным делом.» [1, ед.хр.192, л.13-15].

Бесспорно, задачи столь мощной идеологической машины были много шире, чем система образования. Представляется, что основной упор в Наркомпросе делался на пропаганду идеологических основ советской власти посредством всех возможных форм и направлений для достижения максимально быстрого и эффективного результата. И такие достижения имели место, например, программа монументальной пропаганды, начатой в 1918 г. и вылившаяся в массовое создание революционных памятников, нередко мастерами-самоучками на народные средства и устанавливаемые с подлинным энтузиазмом неофитов не только на территории РСФСР, но и других советских республик. Эффективной была деятельность творческих мастерских и секторов наркомата ТЕО, ИЗО, РОСТА и др. Не стоит забывать и деятельность Пролеткульта, через учебные и творческие учреждения которого проходили тысячи людей не только в РСФСР, но и по всей территории бывшей Российской империи [подробнее см. 9].

Таким образом, школа и система образования, бесспорно, являясь одним из основных направлений в работе Наркомпроса, очевидно, не рассматривалась руководством как ведущее в плане идеологической работы, поскольку реальные результаты могли появиться не ранее третьего десятилетия советского строя. Однако революция требовала более быстрых и не менее эффективных результатов, получить которые можно было используя иные каналы воздействия, главными из которых следует считать политико-просветительскую работу, в большом объеме и многообразии представленную в системе Наркомпроса [подробнее см. 9].

Библиографические ссылки:

1. РГАСПИ. – ф.142. – оп.1.

2. Декреты Советской власти – Т.І. – С. 156 – 159.
3. От Государственной Комиссии по просвещению // Сборник декретов и постановлений рабочего и крестьянского правительства по Народному образованию. – Вып. I (с 28 октября 1917 г. по 7 ноября 1918 г.).
4. Культурная жизнь в СССР: 1917 – 1927. Хроника / [сост. Л.В. Иванова, М.Б. Кейрим-Маркус, Р.А. Кленова и др.] – М. : «Наука», 1975.
5. Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов. 1917 – 1973 гг. / [сост. : А. А. Абакумов, Н.П. Кузин, Ф.И. Пузырев, Л.Ф. Литвинов]. – М. : «Педагогика», 1974. – С. 20.
6. Богданов А. А. Пролетариат и искусство А. А. Богданов // О пролетарской культуре. – Л-М., 1925. – С. 118.
7. Луначарский Л. В. О художнике вообще и некоторых художниках в частности / Л. В. Луначарский // СС. – Т.7. – С. 9 ;14.
8. Луначарский Л. В. Письма о пролетарской литератур : собр. соч. в 7 т. / Л. В. Луначарский. – М. : Художественная литература, 1967. – С. 171.
9. Андрианова Н. Ю. Концепция «пролетарской культуры» и монументальная лениниана как отражение идеологических и ментальных установок в обществе в первые годы советской власти (1917-1927) / Н. Ю. Андрианова. – М., 2008. ; она же. Концепция «пролетарской культуры» и монументальная лениниана. – Б/м. : LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011.
10. Андреев М. А. Деятельность партии левых социалистов – революционеров в Наркомпросе РСФСР / М. А. Андреев // Российская история. – № 4. – 2010.
11. Берг Е. А. «Вещи общегосударственного значения»: Из истории работы Музейного отдела Наркомпроса в 1918 - 1920 - х гг. / Е. А. Берг // Московский журнал : История государства Российского : Литературно-художественный, историко-краеведческий ежемесячный журнал. – N. 4, (232). – 2010
12. Калинина А. Д. Из докладной записки заместителя заведующего отделом охраны детства Наркомпроса А. Д. Калининой о положении детского населения России / А. Д. Калинина // Досье на цензуру. – № 3(6). – 1998.
13. Лебедева М. В. Народный комиссариат Просвещения РСФСР в ноябре 1917 – феврале 1921 гг. (опыт управления) : автореф. на соискание у.с. к.и.н. / М. В. Лебедева – М., 2004. – 31 с.
14. Щелоков О. В. РСДРП: проблемы лидерства и обновления руководства (1906-1911) / О. В. Щелоков. – М., 1995. – С. 42.

Андрианова Н. Ю. Місце і роль системи освіти у діяльності Наркомосу РРФСР в 1917 - 1927 рр.

Аналіз структури та діяльності Наркомосу в перші роки радянської влади дозволяє засумніватися в тому, що основна діяльність відомства полягала виключно в створенні та розробці ідейних і організаційних основ системи радянської освіти. Як видасться, становлення нової школи супроводжувалося масштабною ідеологічною роботою по внесенню і закріпленню в суспільство нової радянської аксіології. З цією метою силами Наркомосу було створено мережу державних установ, служб, академічних інститутів і суспільно - політичних організацій, покликаних стверджувати і втілювати нові ідеологічні цінності.

Ключові слова: Наркомпрос, влада, культура, ідеологія, школа, цінності.

Andrianova N. The place and role of the education system in the work of the People's Commissariat for Education of the RSFSR 1917 - 1927 gg.

The analysis of the Soviet Ministry of Education - People's Commissariat of Education - Narcompros shows that its work included many problems. Creation of the Soviet educational system was one of the areas of work. The author's task is to determine how important the questions of educational activities in the People's Commissariat were. The documents prove the great difficulties in establishing a new system of education. The financial problems of the power and irrelevance (misunderstanding or unwillingness to give the children an education) of education among the population (peasantry) were the main difficulties in the organization of the Soviet school. Therefore Commissariat actively developed a network of ideological centers and cultural institutions that could quickly and efficiently transfer new ideological values to the society. The author believes that the Commissariat was one of the major Soviet ideological centers in 1917 - 1927 gg., whose influence crosses the border of the country.

Keywords: Narcompros, power, culture, ideology, the school, the values.

Надійшла до редколегії: 14.12.2013 р.